

А. И. Кулакова

**ТЮРЕМНЫЙ ТОПОС КАК АНТИДОМ
В РАССКАЗЕ В. Г. КОРОЛЕНКО «ЯШКА»**

66

Колледж сервиса и туризма, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.07.2024 г.

Принята к публикации 24.11.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-1-6

Для цитирования: Кулакова А. И. Тюремный топос как антидом в рассказе В. Г. Короленко «Яшка» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 1. С. 66–74. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-1-6.

Обращение к поставленной проблеме обусловлено важностью исследования категории дома, актуализирующей важнейшие духовно-нравственные смыслы, и такой ее разновидности, как антидом. При рассмотрении пространственной организации рассказа В. Г. Короленко «Яшка» обнаруживается, что вертикальное и горизонтальное расположение тюремных камер образует традиционное для славянской мифологии противопоставление «верх – низ», «правый – левый». Соответственно выстраивается и система персонажей: главному герою Якову, который беспокоит всех своим регулярным громким стуком, направленным на обличение властей, противопоставляются другие арестанты и надзиратели. Цель непрестанной духовной борьбы Якова, преодолевающего боль и страдания, – преградить путь всем темным силам, которые, по его мнению, являются слугами антихриста. В сознании повествователя Яшка предстает как подвижник, за неразвитым интеллектом которого скрывается искреннее стремление к постижению мироустройства и неустанное стремление бороться со злом. Выявление мортальной семантики тюремного топоса позволяет сделать вывод: тюрьма воспринимается главным героем и повествователем как антидом – «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти» (Лотман). Согласно выводам, центральной в рассказе является оппозиция «жизнь – смерть»: омертвление души, заметное во многих обитателях тюремного отделения, составляет яркий контраст с мятущейся и страдающей «за всех людей» Яшкиной душой. После отправления героя-страстотерпца в сумасшедший дом на верную гибель темные силы полностью овладевают тюремным топосом, имеющим все признаки антидома.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, «Яшка», дом, тюрьма, христианство, жизнь

Выдающийся писатель XIX в. Владимир Галактионович Короленко был широко известен в России активной правозащитной деятельностью. В своих сибирских рассказах писатель повествует о судьбе политзаключен-

ченных, ссыльных, беглых каторжников, которые сталкиваются с несправедливостью и жестокостью властей. Героями В. Г. Короленко чаще всего являются сильные личности, которые в любых условиях ведут борьбу за свои идеи и принципы — с этим связан их социальный статус: отлученные от родного дома, они вынуждены скитаться по тюрьмам и ссылкам, проводя лучшие годы своей жизни в пространстве «казенных» домов.

Топос дома в русской и мировой литературной традиции — один из важнейших компонентов пространственной организации художественного мира. По справедливому замечанию А. Н. Неминущего, «дом как топос и как семиотический знак представляет собой одну из важнейших доминант каждой национальной культуры. На протяжении длительного времени в русском национальном сознании складывался культ дома. Дом в данном случае понимается не только как жилище, но и как мифологический символ; дом — это знак своего пространства, знак рода. Кроме того, дом может быть интерпретирован и как модель мироздания вообще, как некое универсальное разомкнутое пространство» [14, с. 75]. Своеобразный подход — через мифологические архетипы — был предложен Ю. М. Лотманом в работе «Дом в “Мастере и Маргарите”» [10, с. 748–755]. Обратив внимание на такую важную разновидность категории дома, как *антидом*, авторитетный ученый не дает четких определений этому понятию, однако выявляет основные, существенные его признаки: 1. Если *дом* символизирует место жизни, то *антидом* — место смерти. 2. В пространстве *антидома* пересекаются проделки inferнальных сил, мистика бюрократических фикций и бытовая склока [10, с. 749]. В рассказе В. Г. Короленко «Яшка» действие происходит в тюремном пространстве, по традиции, сложившейся в русской литературе (ср. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского), соотносимом с антидомом как топосом смерти.

Рассказ В. Г. Короленко «Яшка» в последние годы изучался учеными с различных сторон: была исследована его поэтика [17], определен новый тип героя [19], обозначена модель поведения героя-бродяги [12], проведен текстологический анализ [5; 7], рассмотрены слова-звукообозначения [4]. Тем не менее многие аспекты до сих пор остались неизученными. К ним относится и анализ тюремного топоса, ставший целью данной статьи.

Сюжетной основой рассказа «Яшка» являются события, описанные близким к автору героем-повествователем и произошедшие во время пребывания самого писателя в тобольской тюрьме. Будучи пересыльным, он вместе с товарищем попал в отделение для умалишенных, поскольку других свободных помещений в это время не оказалось. Детальный текстологический анализ, проведенный Н. В. Долговой, привел к убедительным выводам: сличение черновика с журнальной редакцией показало, что при авторской переработке был совершен «переход от субъективной точки зрения к объективному повествованию» [7, с. 190], а также произошла жанровая метаморфоза — очерк превратился в рассказ [7, с. 190]. Таким образом, конкретный случай из жизни писателя после использования «элементов домывливания, искусственного конструирования эпизодов в нужном для него ключе» [7, с. 190] принял широкий, обобщающий характер.

По первому впечатлению повествователя, тюремное пространство производило угнетающее впечатление, а описание одиночной камеры, в которую поместили его с товарищем, усиливало атмосферу уныния: «темные стены, углы, затканные паутиной, крепко запертая дверь, в небольшое разбитое оконце видна серая тюремная стена. <...> В окно врвались волны миазмов, и некуда было скрыться»; «пять шагов в длину, три с половиной в ширину — вот размеры нового нашего жилища» [9, с. 88—89]. Постепенно проникая в потаенные процессы внутренней жизни отделения, пересыльные становятся невольными свидетелями взаимоотношений между его обитателями, в поведении которых проявляются их жизненные позиции. Наибольший интерес вызывает у повествователя история Якова-стукальщика, о котором властям известно очень немного, поскольку тот упорно не сообщает о себе никаких сведений. Новоприбывших Яков удивляет своим регулярным и, казалось бы, ничем не мотивированным громким стуком в дверь. Рассмотрев внешность «этого странного субъекта» [9, с. 94] и поговорив с ним, они понимают, что он ничем не напоминает умалишенного. В непонятном Яшкином стуке постепенно начинает обнаруживаться система: он стучал при приближении какого-либо начальства, демонстрируя тем самым протест против установленного порядка. Кроме серьезных неприятностей, которые он навлекал на себя таким поведением, сила, с которой «работал» Яков, доставляла ему большую физическую боль. Пораженный этим «неукротимым», но, казалось бы, совершенно бесполезным протестом, повествователь решает задать бунтарю вопрос:

— Скажи мне, Яков, зачем ты стучишь? — спросил я.

Яков вскинул на меня своими большими глазами, и в голосе его, когда он отвечал, послышалась какая-то «обрядная» важность:

— Стою за Бога, за великого государя, за христов закон, за святое крещение, за все отечество и за всех людей.

Я несколько удивился, что, по-видимому, не ускользнуло от внимания Якова.

— Обличаю начальников, — пояснил он, — начальников неправедных обличаю. Стучу [9, с. 97].

Антиподом Якова является другой заключенный — остяк Тимофей, пользовавшийся расположением надзирателей за свое полное послушание начальству. Необразованный и темный человек, он изготавливал самодельных идолов и поклонялся им, произнося молитвы «ровным, своеобразно-диким голосом, тоном опытного чтеца», «а иногда, нисколько не изменяя молитвенной интонации, произносил скверные ругательства, как будто и они составляли часть его культа» [9, с. 92]. При внешней покорности он был жесток и безжалостен: поймав случайно забежавшую к нему в камеру кошку, «содрал шкуру зубами» и сшил из нее себе шапку, а срок отбывал за то, что один «трех человек задушил» [9, с. 93]. От серьезных молитв он, по требованию зрителя, легко и быстро переходил к скоморошеству и, карикатурно гримасничая, передразнивал Якова. Кардинально различались между собой и тюремные надзиратели. Один из них, Михеич, в любой ситуации «был философски споко-

ен»: «никогда не повышал голоса, не бранил арестантов, не стеснял их без нужды», «двигался и действовал, не торопясь, как хорошо рассчитанная машина» [9, с. 90]. Он благоволил Тимофею, а к Яшке относился настороженно, считая его поведение проявлением настоящего безумия, поскольку оно было связано с отказом от собственного благополучия. Особенно остро реагирует на Яшкин «громовой стук» старший надзиратель, остающийся в тексте безымянным — «седой, низенький старичок из евреев, с наружностью старой тюремной крысы, с маленькими, злыми, точно колющими глазами» [9, с. 99]. Люто ненавидя Яшку, он все-таки не мог заставить его прекратить свою бунтарскую деятельность. Будучи ограничен физически, герой нашел свою форму сопротивления: нарушая покой, он уязвлял своих врагов психологически.

Можно заметить, что в пространственной организации рассказа вертикальное и горизонтальное расположение тюремных камер образует традиционное для славянской мифологии противопоставление *верх* — *низ*, *правый* — *левый* [18, с. 168]. Так, одиночка пересыльных находилась «между камерами двух умалишенных»: по правую сторону от повествователя помещался Яков, по левую — остяк Тимофей. Неподалеку была лестница, ведущая в «воровскую», на так называемый «малый верх» [9, с. 87]. Он представлял собой искусственно созданную надстройку с очень низкими потолками и без окон, в которой всегда было жарко и трудно дышать, — по словам одного из арестантов, «чистая смерть» [9, с. 99]. Таким образом, в мифологическом плане «малый верх» был *ложным верхом* и в действительности по своим качествам представлял собой не *верх*, а *низ*, вызывая в памяти преисподнюю.

Напомним, что в далеком прошлом «по движению солнца человек определял и свое отношение к окружающему миру, в частности устанавливал понятия левого и правого... Древние славяне были убеждены, что с правой руки человека стоит добрый ангел, с левой — злой черт» [2, с. 120]. Под влиянием этих представлений слово *правый* получило значение *нравственного, хорошего, справедливого* (что привело к появлению слов *правда, право, правило*), а слово *левый* обрело противоположную семантику [2, с. 121]. Говоря об арестантах, помещенных справа и слева от повествователя, легко увидеть принципиальную разницу в их описании: рассказ о Якове ведется совершенно серьезно, первоначальная интонация недоумения и удивления вскоре сменяется уважительной. В то же время описание Тимофея стилистически снижено и проникнуто иронией: повествователь, например, отмечает, что во время его коленопреклоненных молитв «перед какими-то болванчиками, неопределенно черневшими в углу», рядом с ними «стояла “парашка”» [9, с. 92] — таким образом, сакральные предметы соседствуют в его камере с самыми низкими бытовыми вещами.

Знаменательно, что некоторые арестанты вопреки убийственным миазмам и мрачной обстановке стремятся преобразовать свой тюремный локус: так, двое бродяг в соседней камере по вечерам варят крупу в своей печурке, пристально глядя в пламя: «...когда огонек потухал и крупа была готова, они вынимали горшок и братски делили микроскопическое количество каши, которая, казалось, имела для них скорее некоторое символическое, так сказать, сакраментальное значе-

ние, чем значение питательного материала» [9, с. 102]. Устраивая в своем *тюремном жилище* очаг, который с древности воспринимался славянами как «самое священное место» в избе [1, с. 68], арестанты пытаются создать для себя некое *подобие дома*, что лишь сильнее подчеркивает контраст между этими двумя топосами.

Среди других персонажей Яков выделяется необыкновенной физической и духовной силой, упорством и поразительной стойкостью в противостоянии своим идейным противникам. Следуя своим идеалам, он отказывается от *земного дома*, считая, что без отстранения от мира спасение души невозможно. Дом в значении «жилье», а также «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» [3, с. 272], не воспринимается героем как *истинный*, в его сознании вера определяет в качестве такового лишь Дом Небесный. В тюремном топосе *своим* для Якова является только его личное пространство, внутренний мир, и «доступ» сюда получает лишь герой-повествователь, который с подлинным участием, искренне стремится понять позицию смутьяна и мятежника.

Бунт Якова направлен против метафизической смерти, омертвления души: «кто от Бога, от истинного прав-закону отступит, — мертв есть. Плоть-то он живет, а души в нем живой нету» [9, с. 98], — утверждает герой, не умея, однако, объяснить, что же представляет собой «истинный прав-закон». Из бесед с Яшкой повествователю становится понятно, что у того «есть своя “идея”, однако смысл ее абсурден: Яшка мало разбирается в том, что происходит в действительности» [15, с. 146]. Однако за неразвитым интеллектом бунтаря скрывается искреннее стремление к постижению мироустройства и неустанное желание бороться со злом. Эта идея дает ему силы стойко переносить тяжелые наказания — пытки и даже заключение в карцер: «побежденный физически, он считал себя не сдавшимся победителю, пока еще “Господь поддерживает его” в единственно возможной форме борьбы: “Стучу вот”. В этом он видел свою миссию и свое торжество» [9, с. 100]. После знакомства с карцером (получившим у заключенных прозвище «кузькина мать») упорство и стойкость героя в отстаивании по-своему понимаемого «христового закона» [9, с. 97] вызывают у повествователя неподдельное изумление и восхищение: «О, Яшка, — думал я, удаляясь на ночь в свою камеру, — бесстрашен ты человек, если видал уже “кузькину мать” и не убоялся!..» [9, с. 104].

Анализируя место категории пространства в художественной модели мира, Ю.М. Лотман отмечает: «Поскольку... художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства, которое выступает уже как своеобразная *двуплановая локально-этическая метафора*» [11, с. 625]. В свою очередь, «каждому пространству соответствует особый тип отношений функционирующих в нем персонажей» [11, с. 634]. Известно, что в мифопоэтическом сознании «вертикальная структура космоса трехчленна и состоит из верхнего мира (*небо*), среднего мира (*земля*) и нижнего мира (подземное царство, преисподняя). <...> С каждой из этих структур связаны особые мифологические персонажи или даже целые их классы (ср. более или менее обычное распределение: боги, души праведных —

небо, люди — земля, демоны, души неправедных — подземное царство; соответственно распределяются и животные: птицы — копытные — хтонические животные, чудовища и т. п.)» [13, с. 10]. В сюжетной структуре рассказа кроме оппозиции *правый — левый* выявляется оппозиция верхнего и нижнего мира (небо — подземное царство), а также верхнего и среднего (небо — земля). Соответственно выстраивается и система персонажей: безвинно страдающий Яков (с его неизменной установкой на вечные ценности) соотносится с небесным миром, реалист Михеич — с земным, безымянный старший надзиратель, а также убийца и скоморох Тимофей — с подземным. Для обоснования последнего утверждения необходимо напомнить, что деятельность скоморохов на Руси порицалась духовенством, а в народном сознании этот образ был связан с преисподней: «Бог дал попа, чёрт скомороха», «скоморошные потехи сатане в утеху» [6, с. 203]. Что касается старшего надзирателя, то с ним напрямую связан образ *крысы*, имеющий определенную символику. В словаре символов упоминается, что «крыса ассоциируется с немощью и смертью, в средневековом символизме ассоциируется с дьяволом» [8, с. 279]. Именно таких людей, создающих ему тяжелейшие условия, применяющих пытки и отправляющих в карцер, Яков называет «слугами антихриста» [9, с. 98].

Наблюдения и размышления приводят повествователя к выводу: «Яшка был вовсе не сумасшедший, а подвижник» [9, с. 107]. В Православной энциклопедии указывается, что путь подвижника сопряжен с борьбой: «Развитие духовной жизни является целью христианского подвига, и потому каждый христианин должен быть в какой-то мере подвижником, ибо дух человеческий требует борьбы за право на свое существование» [16]. Непрестанная духовная борьба, которая выражается через стук, через преодоление боли и страдания, направлена не только на спасение души самого героя, ее цель — заграждение пути всем темным силам, которые, в его сознании, являются слугами антихриста, обитающими в антидоте.

Воинственный бунт раскольника Якова, фанатика «старого прав-закону», стоявшего «за бога, за великого государя» [9, с. 97], коррелирует в сознании повествователя с молчаливым протестом безымянного камышинского мещанина, принимавшего страдания за учение атеизма. И тот, и другой отрицают существующее социальное устройство, отказываются от связи с родиной, с семьей ради утверждения своей идеи, которую каждый из них считает единственно верной. Несомненна правота Л. Пильд, утверждающей, что уже в первых своих произведениях Короленко «делает попытку изобразить внутренний мир своих героев как довольно сложную и ценностно неоднозначную психическую структуру» [15, с. 146]. При всех многочисленных различиях главное, что сближает таких персонажей из народа, — их напряженные духовные поиски.

Очевидно, что центральной в рассказе является оппозиция *жизнь — смерть*: омертвление души, заметное во многих обитателях тюремного отделения, составляет яркий контраст с мятущейся и страдающей «за всех людей» [9, с. 97], Яшкиной душой. У повествователя тюремное пространство в целом вызывает тоскливое чувство, но именно при упоминании одиночки Якова три раза появляется морральная семантика: в начале и

в конце рассказа его камера сравнивается с могилой, в середине — с гробом. Именно Яшкина камера становится индикатором топоса тюрьмы, который составляет антитезу *истинному* дому, воспринимаясь не только героем, но и повествователем как *антидом* — «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти» [10, с. 748].

В финале рассказа, когда смутьяна увозят на верную гибель в «дом сумасшедших» [9, с.118] и его отчаянные крики о помощи разносятся по всему отделению, «Яшкина фантазмагория» [9, с. 118] овладевает повествователем, который начинает громко стучать в свою дверь и требовать ответа о производимых зрителями действиях, не имея никакой надежды помочь несчастному бунтарю. После удаления Яшки для его недругов наступает момент торжества: «Старая тюремная крыса бодро прошла по коридору, бросая довольные взгляды на опустевшую каморку, из которой не слышалось более громового Яшкина стука. Старик бормотал что-то и скверно улыбался» [9, с. 119]. «Мертвую тишь» [9, с. 119], наступившую в тюремных коридорах, неожиданно нарушили звонкие удары и «козлиный голос Тимошки-остяка» [9, с. 120], передразнивающего героя-страстотерпца. Так вступают в свои права темные силы, против которых выступал Яшка-стукальщик и которые теперь полностью овладели тюремным топосом, имеющим все признаки *антидома*.

Список литературы

1. *Афанасьев А. Н.* Религиозно-языческое значение избы славянина // Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 66–67.
2. *Белякова Г. С.* Юг — север, правый — левый, правда — кривда // Белякова Г. С. Славянская мифология. М., 1995.
3. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.
4. *Горбунова М. П.* Слова-звукообозначения в рассказе В. Г. Короленко «Яшка» // Пятые Короленковские чтения : материалы региональной научной конференции. Глазов, 2000. С. 24–27.
5. *Гуцин Ю. Г., Сутягина А. Ю.* Из наблюдений над сопоставлением черновой и журнальной редакций рассказа В. Г. Короленко «Яшка» (Природа жанровой трансформации произведения) // Литература в контексте современности: жанровые трансформации в литературе и фольклоре. Челябинск, 2015. С. 103–113.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 4.
7. *Долгова Н. В.* Рассказ В. Г. Короленко «Яшка» (Текстологические наблюдения) // Текст в художественной литературе, публицистике и журналистике : материалы XIX Шешуковских чтений. М., 2014. С. 181–190.
8. *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994.
9. *Короленко В. Г.* Яшка // Короленко В. Г. Собр. соч. : в 6 т. М., 1971. Т. 1. С. 86–120.
10. *Лотман Ю. М.* Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 748–755.
11. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 621–658.

12. Макарова Е. А. Типология героя и «светоцветовое» видение мира в «Сибирских рассказах и очерках» В.Г. Короленко // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 37 – 44.

13. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1991 – 1992. Т. 2.

14. Неминуций А. Н. Архитектоника дома в прозе А.П. Чехова 1890-х гг. // Пространство и время в литературе и искусстве. Дом в европейской картине мира. Даугавпилс, 2001. С. 71 – 79.

15. Пильд Л. Типы народного сознания в творчестве В.Г. Короленко второй половины 1880 – 1890-х годов // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 1 (Новая серия). Тарту, 1994. С. 146 – 155.

16. Подвижник // Азбука веры: православная энциклопедия. URL: <https://azbyka.ru/podvizhnik> (дата обращения: 11.03.2024).

17. Показилова Н. В. Поэтика рассказов В.Г. Короленко // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3, №3. С. 96 – 99.

18. Славянская мифология : энциклопедический словарь. М., 1995.

19. Эфендиева А. А. Творчество В.Г. Короленко как новый этап в историко-литературном процессе рубежа веков // Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, археология и искусствоведение). 2016. № 20. С. 327 – 332.

Об авторе

Анастасия Ивановна Кулакова – преп., Колледж сервиса и туризма, Калининград, Россия.

E-mail: aikulakovanastasia@yandex.ru

A. I. Kulakova

PRISON TOPOS AS AN ANTI-HOME IN V. G. KOROLENKO'S SHORT STORY YASHKA

Tourism and Hospitality College, Kaliningrad, Russia

Received 14 July 2024

Accepted 24 November 2024

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-1-6

To cite this article: Kulakova A. I., 2025, Prison topos as an *anti-home* in V. G. Korolenko's short story *Yashka*, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №1. P. 66 – 74. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-1-6.

The relevance of the problem addressed lies in the importance of studying the category of home, which actualizes essential spiritual and moral meanings, and its variant, the anti-home. Analyzing the spatial organization of V. G. Korolenko's story Yashka reveals that the vertical and horizontal arrangement of prison cells forms the traditional oppositions of "top – bottom" and "right – left" characteristic of Slavic mythology. A corresponding character system is constructed: the protagonist, Yakov, who disturbs everyone with his loud, persistent knocking aimed at denouncing the authorities, is contrasted with other prisoners and wardens. The goal of Yakov's relentless spiritual struggle, in which he overcomes pain and suffering, is to obstruct

all dark forces, which he perceives as servants of the Antichrist. In the narrator's perception, Yashka appears as an ascetic figure, whose underdeveloped intellect masks a genuine striving to comprehend the structure of the world and a tireless determination to fight evil. Identifying the mortal semantics of the prison topos allows for the conclusion that the prison is perceived by the protagonist and the narrator as an anti-home – “an alien, diabolical space, a place of temporary death” (Lotman). According to the conclusions, the central opposition in the story is “life – death”: the soul's lifelessness, evident in many of the prison's inhabitants, stands in stark contrast to Yashka's restless and suffering soul, who suffers “for all people.” After the martyr-like hero is sent to an asylum, where he is doomed to certain death, the dark forces fully seize the prison topos, which exhibits all the characteristics of an anti-home.

Keywords: V. G. Korolenko, *Yashka*, home, prison, Christianity, life

The author

Anastasia I. Kulakova, lecturer, Tourism and Hospitality College, Kaliningrad, Russia.

E-mail: aikulakovanastasia@yandex.ru